

ВЕДОМОСТИ

08 февраля 2018 г.

«Мы поставили электроэнергию на 100 рублей, а нам платят 70»

Гендиректор «Юнипро» Максим Широков объясняет, почему не хватает денег энергетикам, размышляет, какой должна быть модернизация в отрасли, и рассказывает о тяжбе с антимонопольной службой

Последние 17 лет Максим Широков работал в самых разных отраслях, но всегда в одной должности – гендиректором компании. Среди них и «Уралкалий», и порт «Усть-Луга», последние 5,5 года он возглавляет «Юнипро» (раньше – «Э.Он Россия»), одну из самых эффективных энергокомпаний страны со стабильно высоким уровнем дивидендов. Широков считает себя профессиональным управленцем и умеет осваивать новые сферы, но в энергетике намерен задержаться.

Последние два года были трудными для «Юнипро». В феврале 2016 г. на только что построенном третьем энергоблоке Березовской ГРЭС произошел пожар, надолго выведший его из строя, восстановительные работы закончатся лишь в III квартале 2019 г. Энергоблок мощностью 800 МВт – один из крупнейших в России, входящих в инвестиционный проект договоров о предоставлении мощности (ДПМ; всего с 2008 г. построено около 30 ГВт новых мощностей на 1,3 трлн руб.). Из-за аварии «Юнипро» лишилась существенной части платежа по ДПМ, но в течение полугода, когда энергоблок уже стоял, успела получить около 1 млрд руб. Формально это не нарушало правил энергорынка, но вызвало недовольство потребителей и антимонопольной службы. Меньше двух недель назад, 26 января, ФАС признала «Юнипро» и «Системного оператора» виновными в нарушении закона о конкуренции. Компания намерена оспорить решение.

Все это время «Юнипро» оставалась прибыльной: даже в 2016 г. чистая прибыль составила более 5 млрд руб., а в прошлом году она увеличилась почти в 6 раз. Ликвидируя последствия аварии, «Юнипро» примеряется к новому инвестиционному циклу, который ориентирован не на новое строительство, а на модернизацию в энергетике.

– Можете восстановить хронологию событий, вызвавших разбирательство в ФАС,
– с того момента, как запускался третий энергоблок Березовской ГРЭС, и до того, как была получена последняя оплата по нему?

Пять лет назад «Юнипро», компания, работающая в секторе традиционной генерации, решила развивать и другие направления – энергосервис и распределенную генерацию, рассказал Максим Широков «Во-первых, это тренд, во-вторых, у нас есть что предложить», – пояснил он. По словам Широкова, компания провела первую инспекцию оборудования General Electric на Сургутской ГРЭС-2 своими силами: «Можете представить, сколько мы сэкономили? Раньше за это надо было платить производителю, причем долларами, а мы это сделали за рубли и сформировали у себя компетенции в энергосервисе, которые в дальнейшем сможем предлагать на рынке». Стратегия концерна, говорит гендиректор, предполагает выход на рынок энергосервисных услуг в России и СНГ с услугами управления энергетическими объектами для третьих сторон: «Существуют промышленные предприятия, у которых на балансе находятся энергетические объекты для собственных нужд. Поскольку этот бизнес не всегда является профильным, у них зачастую возникает желание отдать это в управление профессионалам». Широков пообещал, что уже в середине февраля компания обнаружит проект, который находится в разработке.

– В сентябре 2015 г. мы запустили блок в эксплуатацию. Все было хорошо до начала февраля, когда произошел пожар. Энергоблок был выведен в аварийный ремонт, о чем мы сразу же проинформировали «Системного оператора». В результате пожара нарушения электро- и теплоснабжения Красноярского края не произошло. И в дальнейшем никаких последствий для энергосистемы не было. Сейчас причины аварии расследует комиссия с участием Енисейского управления Ростехнадзора, МЧС России по Красноярскому краю, Минэнерго и нашей компании, мы ожидаем финальное заключение в феврале-марте.

– Как развивалась история после аварии?

– 2 июля 2016 г., по истечении 180 дней, «Системный оператор» в абсолютном соответствии с правилами направил в наш адрес требование о необходимости подтверждения мощности оборудования энергоблока. И с 1 ноября величина получаемой нами платы за мощность стала равна нулю. До этого мы по существующим на тот момент правилам энергорынка (позднее в Правила оптового рынка электрической энергии и мощности были внесены изменения: не 180, а 60

дней. – «Ведомости») получали минимальную плату – 7% от суммы, которую мы бы получали, если бы энергоблок работал.

– Промышленные потребители настаивают, что «Системный оператор» должен был сразу после аварии признать, что третий энергоблок выбыл на продолжительный срок и не должен получать плату за мощность.

– «Системный оператор» не может поступать, исходя из своих пожеланий. В ходе слушаний дела ФАС договорилась до того, что «Системный оператор» по своей инициативе должен был провести досрочную аттестацию энергооборудования. Это исключено. У администратора единой энергосистемы страны есть четкие правила, согласно которым он действует.

– Но, по сути, антимонопольная служба также признала, что «Системный оператор» должен был следовать не букве закона, а его духу?

– Да. А мы должны были поступить, как та унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла.

– Какие еще аргументы приводила ФАС?

– Они признали наше доминирующее положение в зоне свободного перетока «Сибирь». При этом надо понимать, что наша доля в поставке электроэнергии составляет 5,65%, а мощности – 4,8%. То есть речь идет даже не о 10–15%. По сути, нам было вменено доминирующее положение при его полном отсутствии. Выдвигались также тезисы, что якобы цена на мощность по ДПМ для потребителей повысилась. Это неправда. Оплата мощности в рамках ДПМ строго регламентирована и не может колебаться из-за того, что какой-то блок находится в ремонте.

Энергокомпания

Акционеры (данные компании на 31 декабря 2017 г.): Uniper Russia Holding GmbH (83,73%).

Капитализация – 159,6 млрд руб.

Финансовые показатели (МСФО, девять месяцев 2017 г.):

выручка – 56 млрд руб.,

чистая прибыль – 29,1 млрд руб.

Операционные показатели (2017 г.): выработка электроэнергии – 48,2 млрд кВт ч, тепловой энергии – 2,1 млн Гкал.

В 2005 г. на базе пяти тепловых электростанций была создана ОГК-4. В 2007 г. контрольный пакет компании был приобретен энергетическим концерном E.On, и ОГК-4 сменила название на «Э.Он Россия». После выделения из состава E.On

новой энергокомпании Uniper в 2016 г. «Э.Он Россия» вошла в состав последней и была переименована в «Юнипро». Суммарная установленная электрическая мощность станций компании – 11 205,1 МВт (на 31 декабря 2017 г.).

– Вы ведь хотели вызвать стороной по делу Минэнерго?

– Нам и «Системному оператору» неоднократно было отказано в привлечении Минэнерго и Ростехнадзора в качестве сторон по разбирательству. Это за гранью понимания. Решение, которое сейчас вынесено, может создать опасный прецедент для всей отрасли в целом. Выводы ФАС касаются законодательно установленных на энергорынке правил. И у меня возникает вопрос: является ли ФАС организацией, которая может единолично брать на себя ответственность за пересмотр существующих правил? Теперь любое оборудование, находящееся в ремонте, будь то на АЭС или на ТЭС, может быть признано отсутствующим по факту проведения ремонтных работ.

Одновременно с нашим блоком в стране находились в ремонте сотни станций. И они продолжали получать плату по правилам рынка. Наша авария ничем не отличалась от других. Да, она более масштабная, требует более серьезных финансовых вложений с нашей стороны. Но чего-то уникального, на что упирали ФАС и потребители, не произошло.

Это атака на правила рынка, опаснейший прецедент. И сейчас в свете предстоящей модернизации, когда обсуждается необходимость улучшения инвестклимата, принимается решение, которое противоречит здравому смыслу, существующему законодательству, к тому же оно еще и ретроспективно. Вот это как раз ужасно.

– Вы рассчитывали на такую же, как ваша, позицию Минэнерго, если бы оно участвовало в процессе?

– Минэнерго также обеспокоено этой ситуацией. Тот факт, что ФАС не привлекла Минэнерго и Ростехнадзор, уже говорит о многом. Ростехнадзор – орган, который должен как минимум провести свою проверку и подтвердить наличие оборудования.

ФАС делала свои выводы об отсутствующем оборудовании на основании полученных выплат от страховой компании и данных бухгалтерского учета. Но бухучет лишь фиксирует то, что происходит в ходе операционной деятельности. Его методология подразумевает в том числе частичное списание деталей, которые временно демонтируются в связи с ремонтом с последующим их восстановлением после введения в эксплуатацию. Как можно говорить серьезно, что оборудование отсутствует, если мы меняем меньше половины котла? Энергоблок состоит не

только из котла: это также турбина, генератор, трансформатор. А это оборудование вообще не подверглось каким-либо повреждениям.

– Вы будете обжаловать решение ФАС?

– Вне всякого сомнения. Мыждемся полного текста решения и, как только его получим, обжалуем. Совершенно точно, что это решение будет обжаловать «Системный оператор», позиция которого абсолютно профессиональна. С этим абсурдом надо бороться.

– Когда компания должна вернуть полученный от потребителей 1 млрд руб.?

– До получения официального документа полной ясности нет. В резолютивной части прямо не сказано, что мы должны вернуть эти деньги. Скорее всего будет заведено какое-то административное дело. Конечно, мы будем разбираться в суде. Происходит правовой беспредел. По-другому сказать нельзя.

– Все новости вокруг «Юнипро» в последнее время связаны с Березовской ГРЭС. На какой стадии сейчас восстановительные работы?

– Ремонт идет четко по плану, несмотря на холодную погоду. Мы подтверждаем сроки ввода в эксплуатацию – III квартал 2019 г. По стоимости тоже – 36 млрд руб. капитальных расходов. Обновленные прогнозы по остатку финансирования на 1 января 2018 г. мы дадим чуть позже. Фактически закончен демонтаж поврежденных элементов. Мы на полных парах готовимся к монтажу оборудования. Практически все оборудование поставлено на площадку, сейчас происходит сборка конструкций.

– Сам энергоблок начнет получать плату сразу же, как начнет работать?

– Да, в соответствии с правилами рынка.

Деньги на модернизацию

– Производители энергии рассчитывают на запуск программы модернизации. Вы тоже не раз говорили о желании в ней участвовать. Какой механизм вы считаете оптимальным – новый ДПМ или повышение цены конкурентного отбора мощности?

– Наверное, новым ДПМ называть будет некорректно. Сейчас ведется доработка механизмов модернизации. Почему она нужна? С одной стороны, в стране давно есть профицит мощностей. Много хороших проектов реализовано в рамках ДПМ. Но с другой – традиционное оборудование ветшает. На сегодняшний день около 60% установок тепловых электростанций работает далеко за пределами паркового ресурса, а это означает, что через 5–6 лет могут возникнуть катастрофические последствия для энергосистемы страны. Мы всегда озвучивали эту позицию, но пять лет назад нас мало кто слышал, потому что все были заняты ДПМ. Но сейчас это реализуется, программа модернизации разрабатывается.

– Ваши коллеги из Fortum выступили против финансирования программы с помощью механизма, аналогичного ДПМ.

– Я не могу комментировать действия коллег. Но мы абсолютно не согласны с этим мнением.

– И с аргументом, что модернизация старых электростанций приведет к техническому отставанию в энергетике, тоже?

– Ни к какому отставанию это не приведет. Над программой модернизации трудится большая рабочая группа: серьезные консультанты, все сообщество производителей энергии во главе с Минэнерго вырабатывает подходы к модернизации. Неужели вы думаете, что в случае угрозы негативных последствий для энергосистемы генерирующие компании согласились бы с этим, а Минэнерго бы поддержало и принесло этот проект президенту страны? Конечно, нет.

– Энергетики очень часто говорят, что им не хватает денег. Почему?

– Потому что у нас идет кросс-субсидирование, у нас Северный Кавказ не платит. Таким образом, на нас перекладывается какая-то доля проблем, которая накопилась в экономике страны. Тарифных денег не хватает, чтобы окупить инвестиции.

Но вообще это неправильная постановка вопроса. Смотря на что не хватает.

Мы же занимаемся ремонтами – на это хватает, а на серьезную модернизацию – уже нет. Существует некая иллюзия, что перемаркировка оборудования – это тоже модернизация. Мы в прошлом году перемаркировали шесть энергоблоков на Сургутской ГРЭС, добавили по 10 МВт, доказали «Системному оператору», что способны нести такую нагрузку. Но это тот резерв, который изначально был заложен в оборудование. Серьезная же модернизация без серьезной поддержки невозможна. Это все прекрасно понимают.

– Какую структуру и размер тарифа вы считаете оптимальными?

– В идеале, конечно, лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. В идеале – чтобы этот тариф окупал инвестиции, чтобы не нужно было ходить [в правительство] за какими-то программами. Но, к сожалению, в жизни все немного сложнее. Вот в этом году мы снова не получим платеж от Северного Кавказа. Несколько сотен миллионов рублей. Он просто не придет.

– Что можно с этим сделать?

– Когда тебе не платят? Из какого-то другого места взять? Но это же рынок. Мы поставили электроэнергию на 100 руб., а нам платят 70 руб. Всё. Мы как отдельная компания не можем решить этот вопрос. Это вопрос государственного управления.

Регулярно проходят совещания у премьер-министра, но результата пока нет. Я надеюсь, что когда-нибудь это решится.

– Что еще?

– Если просто поднять тариф, то будут недовольны потребители. Поэтому прямых методов, к сожалению, нет. Чтобы тариф вырос и окупал все инвестиции – это утопия на сегодняшний день. Но и стоять на месте тоже нельзя, оборудование ветшает.

На днях часть Санкт-Петербурга осталась без света. Произошла авария на небольшой электростанции – остановились лифты, пропала вода, пропал свет в домах. И почти половину суток три района второго по величине города России были обесточены. В такие моменты все и вспоминают про энергетиков – когда оказываются в каменном веке. Чтобы такого не происходило, необходимо модернизировать оборудование. И необходимо делать это сейчас. Мы закончили программу ДПМ. Все, новых мощностей больше не будет. А оборудование как ветшало, так и продолжает ветшать. Не надо быть энергетиком, чтобы понимать, что то оборудование, которое постоянно латают, рано или поздно выйдет из строя.

– А не кроется часть проблем в том, что были допущены ошибки в определении регионов, где будут построены новые мощности по ДПМ? И из-за этого в каких-то регионах сейчас избыток мощности, а где-то дефицит.

– Это скорее вопрос к Минэнерго и «Системному оператору». Но я считаю, что ДПМ – это одна из гениальных инвестиционных программ современной России. В какую еще отрасль, за исключением тех, которые финансируются из бюджета, или очень дорогой в принципе нефтегазовой отрасли, за последнее десятилетие пришло \$53 млрд? Ни в какую. А в энергетику пришли свежие деньги инвесторов. Конечно, когда программа ДПМ начиналась, все ждали других темпов роста экономики страны, но мощности-то никуда не делись. Это те остатки инвестиционного климата, которые еще сохранились в нашей экономике.

– То есть вы, как один из крупнейших иностранных инвесторов в экономику России, довольны прошедшим 10-летним инвестиционным циклом?

– Мы, без сомнений, довольны. В данном случае Россия продемонстрировала похвальную последовательность в отношении с инвесторами, и не хотелось бы, чтобы она нарушалась, как это сейчас происходит в нашем случае с ФАС. В реальный сектор экономики большие инвестиции идут крайне неохотно. И добывать сейчас одного из них – компанию, которая и в советский период была рядом и

покупала газ у СССР (речь идет о немецкой E.On, см. справку. – «Ведомости»), когда страна была зажата санкциями. Это за гранью.

Время не ждет

– Вы поддерживаете требования по локализации оборудования при модернизации, как это сейчас делается в программе поддержки возобновляемых источников энергии, где до 60% энергооборудования должно быть произведено в России?

– Да, эти требования мы поддерживаем. Но не для парогазового цикла, где нужны иностранные турбины. У нас для этого хороших турбин пока еще нет. А для модернизации паросиловых установок есть нормальные турбины, генераторы. Проще, дешевле будет обслуживание.

– По результатам 2017 г. видно, что выработка энергии электростанциями некоторых компаний значительно снизилась. В том числе у «Юнипро» снижение составило 11%. В энергосистеме большой профицит мощности. Загрузка станций невысокая, даже эффективные блоки ДПМ работают меньше чем в половину мощности. Пока за счет растущих платежей с энергорынка снижение выработки компаниям удастся компенсировать. Вы видите проблемы в будущем?

– Конечно, чтобы обеспечить более равномерную загрузку эффективного оборудования, неэффективные старые мощности нужно выводить более высокими темпами. Кроме того, все равно в планах руководства страны заложен определенный рост потребления; мы слышим заявления, что самая острая фаза кризиса уже позади, и надеемся, что загрузка мощностей увеличится.

Программа модернизации должна идти рука об руку с выводом из эксплуатации. Сегодня механизмы есть. Каждый год какое-то количество мощности выводится из эксплуатации, но этого недостаточно. Это понимание есть и у регулятора. Поэтому, когда я говорю, что дорабатываются правила отбора для модернизации, я также надеюсь, что будут усовершенствованы и правила вывода из эксплуатации. Сейчас это очень тяжело сделать и с технической, и с социальной точки зрения. Но без более агрессивного вывода из эксплуатации такая программа будет работать гораздо хуже.

– Вы не видите риска в том, что какой-то объем мощности, который был запланирован к выводу, в итоге будет модернизирован, останется на рынке и это окажет давление на цены?

– Этот риск снимается критериями, позволяющими отсеять оборудование, которое не востребовано системой. Невостребованное оборудование продолжат выводить из эксплуатации.

Не стану скрывать, что наши предложения касались не только глубокой модернизации, но и замены существующих паросиловых установок на более современные парогазовые установки с понижением совокупной мощности станции. Наверное, сейчас для этого не время, такой путь действительно может привести к повышению нагрузки на потребителя.

– Какие энергоблоки вы хотели бы модернизировать у себя?

– Блоки на Сургутской ГРЭС, Яйвинской ГРЭС, Шатурской ГРЭС (может быть, замена турбины, может быть, генератора), но это будет зависеть от выбранного механизма.

– Какие еще долгосрочные проекты вы рассматриваете?

– Планируем уделять большое внимание развитию агропромышленного парка в г. Шарыпово, рядом с Березовской ГРЭС. Это проект по развитию территории, который получил поддержку на уровне Красноярского края и имеет большое социально-экономическое значение для региона. Первый шаг – тепличное хозяйство. И следующий проект – глубокая переработка зерна.

Трезвый взгляд на зеленую энергетику

– Сейчас много говорят о зеленой энергетике – солнечных, ветряных электростанциях. Как вы оцениваете ее потенциал именно для России? И почему приняли решение не участвовать в этих проектах, хотя у них условия возврата инвестиций аналогичны ДПМ?

– Начнем с того, что западный опыт неприменим к нашей стране. Наше население едва ли готово платить такие деньги, как, например, в Германии, где при оплате за электричество с каждого евро 24 цента уходит в виде дотаций на зеленую энергетику, в год получается до 27 млрд евро.

Мы приняли решение не участвовать в программе ДПМ для возобновляемой энергетики, поскольку считаем, что фундаментально лучше сосредоточиться на традиционном секторе. Для России будущее за ним. Мы не говорим, что надо останавливать работу над улучшением охраны окружающей среды, но серьезно говорить о том, чтобы в России развивать магистральные системы ветропарков или солнечных электростанций без ущерба для экономики и за счет потребителя – в стране, которая обладает такими запасами первичных ресурсов, из которых можно эффективно вырабатывать электроэнергию, неправильно. Но это мое личное мнение.

Очень многие из тех, кто говорит о зеленой энергетике, представляют себе розетку, в которую вставил вилку – и оттуда пошла электроэнергия. А как она появилась,

мало кто думает. По моему мнению, сложно всерьез говорить о развитии рынка электромобилей в Индии или даже нашей стране. Потому что толкает этот автомобиль электроэнергия, которая производится из газа и угля, а не из ветра. Мы не Норвегия, где порядка 60% автопарка – электромобили. Везде должен быть баланс. Где-нибудь на Севере развитие ветрогенерации как распределенной энергетики может быть выгодно. Там сложно протягивать электросети, там и так очень высокие тарифы, и там много ветра. Но за счет потребителя развивать ветропарки в центральной части России, где и так все хорошо с электрогенерацией, – не 2–3 ГВт, а в более крупных масштабах? Мне кажется, это неактуально.

Профессиональный управленец

– В своей карьере вы сменили несколько отраслей, проработав в каждой по 3–4 года. Сложно каждый раз входить в новую тему?

– Я начинал в корпоративном бизнесе и больше 10 лет проработал в крупной американской промышленной компании. Прошел там все ступени от торгового представителя до директора, работая в разных юрисдикциях с разными продуктами. Именно эта работа дала мне возможность впоследствии найти себя в реальном секторе экономики.

– Как вы все-таки себя чувствовали, приходя в новую отрасль?

– Очень комфортно. Я ведь прежде всего управленец. А настоящий, успешный управленец должен обладать определенным набором деловых и личностных качеств, которые позволят успешно реализовать себя в незнакомой среде. Я всегда так или иначе был связан с энергетикой. И сейчас это дает мне возможность выбирать самые лучшие практики, которые я реализовал в других индустриях. Срок, который я проработал в разных компаниях, – 3–4 года – оптимальный, чтобы получить знания, которые дают возможность полностью реализовать свой потенциал. На этом месте именно это я и делаю. Это первое...

– ...в энергетике вы задержитесь?

– Обязательно. Второй момент заключается в том, что существует несколько школ управления. Не секрет, что некоторые управленцы ходят командами. Что-то не сложилось – команда встает и уходит. А там выжженное поле остается. У меня были в жизни такие прецеденты, когда со мной так поступали. Если это консалтинг, тогда да. Но если это операционный бизнес, то он должен быть построен на системе. Я никогда не привожу за собой своих людей, я работаю с теми, кто есть. В крайнем случае беру с рынка. Но всегда выстраиваю систему.

– Расскажите об образовательных программах «Юнипро», какие они дают результаты?

– Программы работают; кроме того, у многих сотрудников есть личные планы развития.

Время течет очень быстро, и, если ты не начнешь инвестировать в подготовку кадров сейчас, потом ты не получишь качественного специалиста. Начать всегда очень сложно. Кажется, что и так есть школы, университеты. Но проходит один год, когда ты не принимаешь решение, второй год, а потом через пять лет ты понимаешь, что все – время ушло. Мы открыли энергоклассы в городах нашего присутствия и сейчас получаем первые результаты. Дети из этих энергоклассов, пройдя через высшие учебные заведения, пришли к нам на работу. Это здорово!

– Много таких?

– Пока немного, меньше 10 человек. Но это только первый цикл, мы начали инвестировать в энергоклассы семь лет назад. Эти программы бесконечно нужны нашей компании.

Энергия музыки

– О непроизводительной части вашей жизни... Вы не просто меломан – вы разбираетесь в музыке так, что вас даже приглашают вместе с профессиональными критиками участвовать в программах о музыке на радио, например.

– Ну это с детства такое хобби.

– Меценатская программа «Юнипро» по восстановлению старых записей российских композиторов родилась из этого хобби?

– И да и нет. Здесь нам просто повезло, нам предложили ее. Тема с благотворительностью всегда очень сложная. Все, что с ней связано, зависит от возможностей, а мы не самая богатая компания. Но какие-то деньги у нас есть. И мы стараемся тратить их с максимальным эффектом, помогать таким программам, которым другие, может быть, не помогают.

Что касается нашей программы восстановления старых записей, то это делается не для пиара. Радио «Орфей» от Гостелерадио досталась библиотека старых нотных записей, которая формировалась долгие годы еще до советской власти. А в 90-е гг. эта библиотека оказалась в жилом доме в одном из спальных районов. Там однажды прорвало трубу, и половину записей просто затопило. Практически был риск утери уникальных изданий. Некоторые из них даже от руки написаны великими русскими композиторами. Не только теми, которые по тем или иным

причинам выпали из культурного контента, а, например, Чайковским, Рахманиновым.

Изначально проект был направлен на восстановление этих рукописей, но потом, когда мы поняли, с чем имеем дело, какой большой пласт культуры был по тем или иным причинам утерян или забыт, мы решили исполнять и записывать эти произведения с современными оркестрами, издавать эти записи. Этой программе уже четыре года, и она рассчитана на долгий срок. Некоторые из этих произведений не исполнялись более 70 лет. Например, Александр Мосолов. На Западе его все знают, учат его произведения. Это потрясающий авангардист – предтеча Альфреда Шнитке и других великих композиторов (в 1937 г. Мосолов был репрессирован, а через год освобожден без права проживания в крупных городах. – «Ведомости»). А у нас о нем никто не слышал. Забыт. Был. Теперь вспомнили.

– А вы сами занимались музыкой, играете на каком-то инструменте?

– Занимался, но не очень долго и успешно. Несколько лет в музыкальной школе по классу гитары, но потом бросил. Спорт перевесил. Бег, велосипед, т. е. циклические виды спорта. Раньше в теннис играл, но бросил ради бега.

– А бегаете где? В каких-то забегах участвуете?

– Нет, я свои марафоны уже отбежал. Бегаю в летнее время по набережной [из «Москва-сити»] в сторону Лужников. По утрам 10–12 км 2–3 раза в неделю. Велосипед побольше: с утра до Лужников, там в сторону МГУ, по Воробьевым горам – всего около 50 км. Это до работы. Зимой спортзалом компенсирую, велотренажером и т. п.

– Теперь мы знаем, где вас искать для комментариев летом. Если догоним.

***

«Юнипро» в тренде

Пять лет назад «Юнипро», компания, работающая в секторе традиционной генерации, решила развивать и другие направления – энергосервис и распределенную генерацию, рассказал Максим Широков «Во-первых, это тренд, во-вторых, у нас есть что предложить», – пояснил он. По словам Широкова, компания провела первую инспекцию оборудования General Electric на Сургутской ГРЭС-2 своими силами: «Можете представить, сколько мы сэкономили? Раньше за это надо было платить производителю, причем долларами, а мы это сделали за рубли и сформировали у себя компетенции в энергосервисе, которые в дальнейшем сможем предлагать на рынке». Стратегия концерна, говорит

гендиректор, предполагает выход на рынок энергосервисных услуг в России и СНГ с услугами управления энергетическими объектами для третьих сторон: «Существуют промышленные предприятия, у которых на балансе находятся энергетические объекты для собственных нужд. Поскольку этот бизнес не всегда является профильным, у них зачастую возникает желание отдать это в управление профессионалам». Широков пообещал, что уже в середине февраля компания обнародует проект, который находится в разработке.

Иван Песчинский, Наталия Жукова